Journal of Frontier Studies. 2026. No 1 | ISSN: 2500-0225
International Frontier Issues | https://doi.org/10.46539/jfs.v11i1.676

Nationalism of the Romance Peripheries in Asturias and Moldova: From Societies with Incomplete Social Structures to Modern Nations?

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksym_kyrchanoff[at]hotmail.com
ORCID https://orcid.org/0000-0003-3819-3103

Received: 2 February 2025 | Revised: 17 May 2025 | Accepted: 27 May 2025

Abstract

The author of the presented article analyzes the peculiarities of histories of frontier peripheral European nationalism in the second half of the 20th century. The purpose of the research is a comparative study of histories of Asturian and Moldavian nationalism as factors of creating nations as imaginate communities, and also of social and political modernizations as invention of traditions. The main provisions of the article are as follows: 1) Asturian and Moldavian nationalism arose historically on the territories of frontier regions, causing their subsequent marginality; 2) social and political practices of Asturian and Moldavian nationalism are based on strategies of social constructivism, which turned Asturians and Moldavians into imagined communities, and their identities – into invented traditions; 3) construction of language and invention of history became universal intellectual forms of political and social modernizations, which Asturian and Moldavian nationalists used in their attempts to invent nations. The article concludes with the following theses: 1) negative social dynamics led to the absence of complete social structures in the Moldovan and Asturian societies; 2) the political and social rates of development of Moldovan and Asturian nationalism lagged significantly in comparison with the rates of political modernization processes in the neighbouring communities; 3) the main participants of the frontier nation building were nationalists represented in Asturia by intellectuals, and in Moldova by intellectuals and also by political elites; 4) Asturian and Moldovan nationalism did not lead to the complete institutionalization of the new imaginate communities, which actualizes estimation of nationalism limitations as a political resource formally recognized for universal.

Keywords

Romance peripheries; Asturias and Moldova; Moldovan and Asturian Nationalism; Invention of Traditions; Invention of Nations; Imaginate Communities; Societies with Incomplete Social Structures; Modernization overcoming Frontierness; Minority Languages and Linguistic Nationalism; Imagination of History; (Non)Universality of Nation; Limitations of Nationalism

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2026. No 1 | ISSN: 2500-0225
Международные проблемы фронтира | https://doi.org/10.46539/jfs.v11i1.676

Национализм романских периферий в Астурии и Молдове: от обществ с неполными социальными структурами к модерной нации?

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.
Email: maksym_kyrchanoff[at]hotmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0003-3819-3103

Рукопись получена: 2 февраля 2025 | Пересмотрена: 17 мая 2025 | Принята: 27 мая 2025

Аннотация

Автор в представленной статье анализирует особенности истории фронтирных периферийных европейских «национализмов» второй половины XX века. Цель исследования – сравнительное изучение истории астурийского и молдавского национализма как факторов создания наций как воображения сообществ, а социальных и политических модернизаций как изобретения традиций. Основными положениями статьи являются: 1) астурийский и молдавский национализм исторический возник на территории фронтирных регионов, что стало причиной их последующей маргинальности; 2) социальные и политические практики астурийского и молдавского национализма основаны на стратегиях социального конструктивизма, что превратило астурийцев и молдован в воображаемые сообщества, а их идентичности – в изобретённые традиции; 3) конструирование языка и изобретение истории стали универсальными интеллектуальными формами политической и социальной модернизации, которые астурийские и молдавские националисты использовали для изобретения наций. Выводами статьи являются следующие положения: 1) негативная социальная динамика привела к отсутствию полной социальной структуры молдавского и астурийского общества; 2) политические и социальные темпы развития молдавского и астурийского национализма существенно отставали от аналогичных процессов политической модернизации соседних сообществ; 3) основными участниками такой фронтирной версии национального строительства были националисты, представленные в Астурии интеллектуалами, а в Молдове – интеллектуалами и частично политическими элитами; 4) астурийский и молдавский национализм не привел к полной институционализации новых воображаемых сообществ, что актуализирует оценку фактической ограниченности национализма как формально универсального политического ресурса.

Ключевые слова

романские периферии; Астурия и Молдова; молдавский и астурийский национализм; изобретение традиций и воображаемых сообществ; общества с неполными социальными структурами; модернизация как преодоление фронтирности; миноритарные языки и лингвистический национализм; воображение истории как изобретение наций; (не)универсальность нации; ограниченность национализма

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

На протяжении XX века, как и в XIX столетии, национализм был среди важнейших факторов, которые определяли политическую, социальную и экономическую динамику развития как государств в целом, так и отдельных европейских регионов. Не являлись исключением из этой логики функционирования национализма и многосоставные государства и общества Европы, среди которых уникальное место занимали Советский Союз и Испания. Уникальность этих государств состояла в их многонациональном характере, гетерогенности населения и множественной организации территории, где концентрировались разнообразные этнические группы, которые, проживая в этих государствах, сохраняли собственные языки, этнические и культурные традиции. Государство также было важным фактором, которое могло оказывать влияние как на развитие национальной идентичности, поддерживая региональный национализм, так и на их подавление и ущемление прав национальных меньшинств. История Испании и Советского Союза в XX веке демонстрирует уникальный опыт развития национализма отдаленно родственных этнических групп. Речь в данном случае идет об астурийцах в Испании и о молдованах в Советском Союзе.

Формально Астурия и Молдова представляли собой очень разные регионы, но фактически их появление стало следствием применения практик и стратегий социального конструирования наций и идентичностей. Молдова была продуктом советской национальной политики, будучи институционализированной в составе Советского Союза, имея официальный статус союзной республики, а местные элиты получили возможность для относительно свободного развития молдавской идентичности, включая язык, историческое и литературное воображение. Что касается Астурии, то в этом случае социальная и политическая динамика была не столь благоприятной для развития астурийского национализма, особенно – в условиях существования в Испании франкистской диктатуры.

Вместе с тем история Астурии и Молдовы во второй половине XX века демонстрирует тенденции к росту именно регионального национализма и местного национального самосознания, что вело к развитию и институционализации отдельных романских политических, культурных и этнических наций, которые, соответственно, обладали своими уникальными астурийскими и молдавскими идентичностями. Кроме этого, анализируя эти регионы, во внимание следует принимать и некоторые общие тенденции, связанные с двумя романскими регионами. Астурия и Молдова в рамках многосоставных обществ Советского Союза и Испании на раннем этапе представляли собой периферийные территории и пространства, которые отличились крайне низким уровнем социально-экономического развития.

Для таких регионов было характерно отсутствие полной социальной структуры. Социальные классы, которые существовали в других регионах, в Молдове и Астурии не сложились. Эта социальная неравномерность относилась к национальной буржуазии, рабочему классу и интеллигенции. Так, в Молдавской ССР национальная буржуазия была ликвидирована в силу политических и идеологических соображений, но это лакуна была заполнена партийной бюрократией и национальной интеллигенцией, которая в той или иной степени могла артикулировать ценности и идеи молдавского национализма. Для Астурии была в большей степени характерна традиционная социальная и экономическая структура. Но население региона было фрагментировано, социальные классы в современном понимании не сложились, а население было разделено между двумя основными социальными группами, связанными с локальными пространствами их существования, то есть с городом или аграрной периферией. В этом отношении национальная интеллигенция и буржуазия, а также католическое духовенство стали важными акторами развития национального самосознания.

Цель и задачи статьи

В представленной статье в центре авторского внимания находятся проблемы развития молдавского и астурийского национализмов как факторов национального строительства, воображения наций как сообществ и изобретения традиций как создания идентичности во второй половине XX века.

Целью автора является изучение того, каким образом национализм стал фактором политической и социально-экономической модернизации, содействуя коренной трансформации социальных и экономических структур романских сообществ на региональном уровне в структуре многосоставных государств. Задачами автора является изучение социальной роли национализма в конструировании нации, выделение и анализ противоречий, связанных с социально-экономической и политической модернизацией в рамках ее националистической модели, а также выяснение перспектив развития подобных региональных националистических проектов, что крайне актуально, принимая во внимание тенденции как глобализации, так и ослабления региональных националистических идентичностей.

Принимая во внимание сформулированные выше цели и задачи, подчеркну, что в их число не входит изучение / описания нормативной истории молдавского или астурийского национализма в рамках позитивистской стилистики исторического исследования, так как подобная задача, по мнению автора, не только выполнена другими исследователями (Iglesias, 2004), но в современной историографической ситуации представляется архаичной.

Методология: ускользающая междисциплинарность в исследованиях национализма (от интеллектуальной к социальной истории)

Методологически представленная статья основана на достижениях междисциплинарной историографии национализма. Автор анализирует астурийский и молдавский национализмы через призму конструктивистского подхода, воспринимая соответствующие национализмы как последствия процессов социально-экономической и политической модернизации. Такое видение имеет и свои недостатки, которые заметны в современной историографии. Следование именно подобной интерпретации излишне растворяет изучаемые националистические проекты или оставляет их в тени контекстов более успешных конкурирующих региональных национализмов (Vilareyo, 2008).

Трансплантируя подходы, предложенные Эрнестом Геллнером (Gellner, 1983) и Бенедиктом Андерсоном (Anderson, 1983) в первой половине 1980-х гг. в молдавский и астурийский контексты, мы анализируем молдавский и астурийский этнические и политические проекты как попытки воображения сообществ и дальнейшего наделения их идентичностями, то есть изобретенными политическими, культурными и этническими традициями, что формировало молдавскую и астурийскую идентичности и соответственно позволяет описывать их в качестве самостоятельных национальных и политических проектов, если не равных, то сопоставимых с другими альтернативными этническими и политическими проектами, которые во второй половине XX века реализовались как в рамках испанского, так и советского политического экспериментов. Именно эта неравенство, которое граничит с маргинальностью, позволяет усомниться с том, что нация является политической универсалией, а национализм – формой ее политического и идеологического (само)выражения, о чем свидетельствует опыт изучаемых в данной статье астурийского и молдавского национализмов.

В целом, в историографии национализма XX века утвердился некий, не вполне объяснимый, оптимизм. Национализмы и нации, как их политические, социальные, культурные, интеллектуальные и экономические производные, воспринимались в качестве неких универсалий, которые мы можем обнаружить в истории, начиная с нового времени, практически повсеместно, используя методы социального, политического и культурного анализа. В этом отношении исследовательский инструментарий и понятийный аппарат, применяемый для изучения национализма, подвергся значительной унификации. Иными словами, национализм стал универсальным объектом многочисленных междисциплинарных штудий, в рамках новой культуральной и социальной истории, в контекстах интеллектуальной истории или историй идей, через призму теории модернизации (Turtureanu, 2012). Подобная логика вместе с тем уязвима, так как относительно эффективна только для изучения

тех национализмов, которые смогли достичь результатов на пути своей собственной институционализации и проекта той нации, которая в рамках их идеологического дискурса предлагалась. В свою очередь менее успешные национализмы, не только миноритарные, но и формально доминирующих групп и сообществ, не могут быть в полной мере интегрированы в эту исследовательскую и интерпретационную модель.

В такой ситуации возможная траектория развития исследований национализма может быть связана с социальной историей, так как последняя не только не отрицает роль и значение культурных и интеллектуальных факторов в трансформации традиционных сообществ в направлении создания наций, но и делает такой анализ многофакторным, дополняя его изучением социальных и экономических измерений истории национализма. Социологизации в изучении национализм предшествовали попытки показать зависимость различных версий национализма от региональных и локальных институций и форм политической и идеологической организации общества, которые были основаны на разных формах социальности.

Таким образом, перефразируя вопросы М. Хроха, подчеркнем, что не менее важной задачей современной историографии становится изучение и неуспешных проектов создания наций, которые исторически не добились целей, хотя формально могли иметь и относительно массовую поддержку, правда, симулируемую интеллектуалами или правящими элитами.

Общества с неполными социальные структурами как «прародины» национализма

История Астурии и Молдовы развивалась под влиянием двух факторов – перифирийности и фронтирности, но эти два исторически сложившиеся качества имели различные проявления, оказывая существенное влияние на основные векторы и траектории социального и политического развития этих территорий.

Формальное сходство между Молдовой и Астурией не ограничивалось только тем, что они представляли собой периферийные регионы, где в культурном и языковом плане доминировали формы романской речи, а социальная и политическая реальности носили явно традиционный и архаичный характер, будучи связанными с экономиками, основанными на аграрном цикле.

Для Астурии и Молдовы на протяжении XIX – первой половины XX века была характерна уникальная социальная и культурная динамика, которая оказала самое существенное влияние на развитие и институционализацию местных идентичностей. Политическая динамика стимулировала то, что и Астурия, и Молдова оказывались в центре региональной политики, что, правда, имело крайне ограниченный эффект, не оказывая на эти регионы продолжительного влияния. Если в 1608 г. в Овьедо был основан университет,

если в XVIII веке Астурия оказалась одним из центров Просвещения в Испании, во время наполеоновских войн стала важным центром национального антифранцузского сопротивления, а в 1830 – 1840-е гг. регион пережил промышленную революцию благодаря обнаруженному углю, то, начиная с середины XIX столетия, Астурия постепенно превращается в периферию.

Индустриализация и модернизация второй половины XIX века оказали крайне ограниченное влияние на регион. Проведение железной дороги, развитие шахт и заводов, строительство портов не содействовали появлению инфраструктуры, а их развитие имел ограниченный эффект. Аналогичные тенденции были характерны и для социально-экономического развития Молдовы в XIX веке. Если Испания контролировала Астурию полностью, то под властью Российской Империи оказалась только часть исторических молдавских территорий в то время, как другие, будучи за ее пределами, консолидировались, положив начало современной румынской государственности.

Важным фактором развития Астурии стало аграрное и городское переселение в первой половине XIX века, что стимулировало эмиграцию в Америку, но последняя нередко носила временный характер, и часть мигрантов вернулась в регион в качестве инвесторов. Проблема, однако, состояла в том, что инвестиции оказались направлены не на развитии производства и создание новых отраслей, но вкладывались в покупку земли и строительство, что указывало на формирование особой уникальной идентичности регионального экономически активного класса. Во время первой (1833 – 1839) и третьей (1973 – 1876) карлистских войн на территории Астурии имели место военные действия и столкновения (Rújula, 2023), но они никак не содействовали ни политической, ни идеологической консолидации и институционализации региона; это, впрочем, произойдет несколько десятилетий спустя.

В целом Астурия как регион отличалась особой исторической и культурной динамикой, которая стимулировал изоляцию. По испанским меркам XIX века регион был близок к Галисии: для населения был характерен консерватизм и традиционализм, тенденции к развитию образования не получили развития, Астурия склонялась к изоляции. В регионе сохраняла свое значение Католическая Церковь. Периодическая печать не получила развития и распространения, сопоставимого с другими испанскими регионами, что указывало на периферийность Астурии и ее фронтирность в социальном и культурном плане.

Аналогичные тенденции имели место и в Молдове, в отношении которой предпринимались попытки ее интеграции в состав Российской Империи, универсальными формами которой оказались русификация, цензура и ограничение связей с соседней Румынией (Danilov, 2003), что самым существенным образом отразилось на местном романском населении. Если местные политические элиты склонялись к традиционной модели развития, основанной на фактическом воспроизводстве романской идентичности, православия, традиционном праве и неформальных экономических отношений, то власти

Империи, наоборот, стремились эти отношения формализировать, создав в 1818 г. Бессарабскую область (Cornea, 2019a), что стало попыткой интеграции романской европейской периферии в политические пространства Российской Империи. В начале 1820-х гг. был взят курс на унификацию, что привело к конфликту элит, так как местные политические классы оказались отстраненными от власти, а в культурном плане началась политика русификации: с 1821 по 1917 г. молдаванам было запрещено занимать государственные должности, а молдавский язык последовательно вытеснялся из управления и образования, становясь преимущественно языком крестьян.

В культурном и интеллектуальном плане Астурия второй половины XIX века была чрезвычайно фрагментированным регионом, а динамика его развития была отмечена дихотомией между высокой и низкой культурой, которые потреблялись образованным меньшинством и необразованным большинством. К началу XX веке Астурия как регион уже утратила значительную часть своего предшествующего экономического потенциала, социально и экономически мутируя в направлении периферии. Что касается Молдовы, то она также представляла собой периферийный регион.

К началу XX века стали заметны социальные последствия модернизации, что вело к изменению структуры населения Астурии. Рост рабочего класса не сопровождался его консолидацией, но вел к большей идеологической фрагментации между социалистами и анархистами, рабочими и католическими профсоюзами. В этом контексте анализ истории национализмов миноритарных и неравноправных групп должен включать не только изучение национализма через призму истории идей или интеллектуальной истории, что в современной историографии претендует на статус универсальной парадигмы, но и обязательную актуализацию социальных измерений и трансформаций в рамках националистических модернизаций.

Молдова и Астурия как воображаемые сообщества: социальная динамика модернизации в рамках недемократической модели

Региональные национализмы миноритарных групп могли в одинаковой степени не только актуализировать тенденции к национальной и языковой эмансипации, пересмотру неравноправного статуса в направлении его повышения или формального уравнивания со статусом большинства, но и реагировать на социальные трансформации общества, что выводит национализм из сферы интеллектуальной истории и истории идей, существенно сближая его с социальной историей. Именно в рамках последней в романских перифериях имели место процессы, которые содействовали не только запуску механизмов социальной модернизации, но и трансформации идентичности под ее влиянием. Близкие тенденции имели место как Молдове,

так и в Астурии, но динамика и социальная скорость перемен была несколько различной.

Если в Астурии социальные и экономические новации стимулировали трансформации идентичности и появление новых социальных групп и иерархий (Alvarez González, 2024), то в Молдове условия для консолидации молдавской идентичности предшествовали социальной и экономической модернизации, что в современной историографии связывается с советизацией и попытками искусственного внедрения указанной идентичности, хотя имели место и альтернативные проекты, основанные не на молдовенизме, но на прорумынском юнионизме. В ноябре 1917 г. в Молдове был создан Сфатул Цэрий (Sfatul Ţării), провозгласивший Молдавскую Демократическую Республику, лидеры которой стремились к объединению с Румынией. Элиты Республики не контролировали заявленную территорию, чему также препятствовала идеологическая и политическая конфронтация между националистами и левыми силами. В результате большая часть молдавских территорий оказалась в составе Румынии, и только изменения, вызванные началом второй мировой войны, привели к тому, что Молдова оказалась в составе СССР, став Молдавской ССР, хотя между двумя мировыми войнами попытки культивирования – воображения и изобретения – новой нации и языковой идентичности имели место в Молдавской АССР (Burlacu, 2020) при поддержке и с санкции как российских интеллектуалов, так и международных левых, что вело к складыванию авторитарной модели политической культуры (Caşu & Tismaneanu, 2014), периодически сопровождаясь репрессиями до середины 1950-х гг., а позднее – идеологическими проработками.

Тем не менее, уникальная политическая динамика была характерна и для Астурии, но в ее рамках национальное в сравнении с социальным было второстепенно. В 1934 г. астурийские левые пытались взять регион под свой контроль. События 1934 г. отразили радикальное видение модернизации под контролем левых (Grossi Mier, 2014), что привело к репрессиям против католического духовенства, свидетельствуя в целом об антитрадиционном характере движения. Такие трансформации в истории астурийского национализма к середине 1930-х гг. указывали на то, что националисты того времени в целом активно оперировали не столько национальным, сколько социальным вопросом, проявляя значительный адаптивный потенциал и способность расширения базы националистического движения за счет групп, реагирующих не только на национальную, но и на классовую повестку дня. Поэтому, несмотря на периферийность, регион оказался одним из центров антифранкистского сопротивления в годы гражданской войны, а основой сил, которые боролись против Ф. Франко, стали левые. Периферизация региона, таким образом, совпала и с его идеологическим поворотом влево.

Установление в Испании авторитарного режима Ф. Франко оказало существенное влияние на все сферы жизни общества, включая развитие и проявление региональных идентичностей (Tuñon, 2023). На раннем этапе франкизма

Астурия в составе Испании представляла собой пример периферии, чему содействовал экономический спад, эмиграция и политические репрессии, направленные против левых, которые составили основу антифранкистского сопротивления. Если националистические движения каталонцев, галисийцев и басков воспринимались в качестве угрозы режиму и поэтому систематически подавлялись, то Астурия воспринималась в качестве внешней испанской периферии. Идентичность Галисии или Каталонии имела в одинаковой степени исторические, этнические и языковые основания, подкрепляясь политическими, экономическими и идеологическими амбициями галисийского или каталонского национализмов. Идентичность Астурии в большей степени основывалась на историческом и культурном региональном наследии.

Таким образом, в условиях франкизма Астурия не воспринималась как регион, из которого могла происходить националистическая угроза, связанная с сепаратизмом. Поэтому на территории Астурии режим Ф. Франко пытался проводить политику авторитарной модернизации, которая преимущественно охватила социальную и экономическую сферы местного общества, что отчасти стало причиной относительно быстрой и успешной демократизации: в 1981 г. Астурия получила статус автономного сообщества, чему в рамках культурной и социальной жизни регионального общества предшествовали и содействовали попытки культивирования астурийской идентичности.

Авторитарная модель политической модернизации после 1940 г. была реализована в рамках Молдавской ССР, на территории которой активно предпринимались попытки создания как отдельной романской нации – молдован, так и еще одного романского языка – молдавского. Не национализм стал основным вектором развития политики, в большей степени определяемой тенденциями общей неопределенности и множественности возможных путей развития идентичности, которая, хотя и подкреплялась попытками языкового строительства, так и не смогла в полной мере достичь институционального оформления. Последнее было невозможно в силу и внутренних, структурных противоречий, характерных для авторитарной модернизации, реализуемой в национальном регионе. Если преследование Церкви и распространение радикального рационалистического сознания, основанного на государственно поддерживаемом атеизме, совпадало с политикой, проводимой относительно других регионов, то компромисс с национальной интеллигенцией и санкция на развитие другой культурной идентичности, отличной от русской советской, свидетельствовал о том, что нация стала для советской модернизации непреодолимым препятствием.

В этом отношении между молдавским и астурийским проектом заметны значительные параллели, связанные с активным применением интеллектуальных практик социального и национального конструктивизма. Таким образом, история 1940 – 1980-х гг. имеет центральное значение для развития молдавского и астурийского проектов, демонстрируя как общее, так и особенное в развитии региональных национализмов, функционировании

националистических воображений и, как результат, появлении и трансформации астурийской и молдавской наций как воображаемых сообществ.

Рецидивы неполной социальности: молдавский и астурийский проекты – от регионализма к национализму

Астурийская и молдавская идентичности культивировались и получили развитие в контекстах астурийского и молдавского националистических воображений соответственно, что было нацелено на выработку и воспроизводство соответствующих политических нарративов, связанных с изобретенными традициями.

В рамках астурийского и молдавского национализма эти изобретенные традиции, с одной стороны, были ограничены попытками создания астурийского и молдавского языка в качестве самостоятельных романских языков; с другой, написание и продвижение собственных версий национальных историй, отличных в астурийском случае от испанской и в молдавском от румынской, также стало изобретенной националистической традицией. В целом развитие и продвижение именно таких нарративов в рамках националистического воображения было направлено на доказательство того, что миноритарные романские группы являются историческими нациями (Fernández, 2023). В астурийском и молдавском случае состав участников, которые были вовлечены в реализацию национального проекта, в значительной степени был идентичным или близким. В Астурии и Молдове националистически ориентированные интеллектуалы-гуманитарии внесли основной вклад в формирование и развитие национальных астурийской и молдавской идентичностей, центральными темами которых оказались история, язык и территория.

Последняя имела принципиальное значение, так как именно она воспринималась в качестве пространства формирования идентичности и нации, что одновременно наделяло молдован и астурийцев, как воображаемые сообщества, качествами примордиальности и современности, хотя последние были не более чем воображаемыми идеологическими конструктами, предложенными на том этапе, когда ни молдовенизм, ни астурианизм не утратили качества политического регионализма и еще не приблизились к национализму, хотя могли лавировать между идеологиями, претендовавшими на общегосударственное значение (Vicente, 2014).

В сфере исторического воображения как одной из основ националистического проекта астурийские и молдавские интеллектуалы последовательно культивировали и продвигали нарративы уникальности Астурии и Молодовы в региональной исторической перспективе.

Тем не менее, и молдавский и астурийский национализмы были разными (Iglesias, 2014) в контекстах и в сравнении с альтернативными и конкурирующими националистическими проектами, которые оказались более успешными.

Для астурийского и молдавского национализма мы не можем констатировать успешной националистической агитации и относительно быстрого формирования националистических политический партий, которые опирались бы как на гражданские нации, так и полные социальные структуры в силу того, что последние просто не получили развития и отсутствовали или сложились позже, чем аналогичные институции соседних наций. Вместе с тем историческая динамика как молдавского, так и астурийского национализма знает развитую культурную традицию, инициативы в области конструирования языка, воображения и изобретения истории, которая отягощалась или сочеталась с незавершенными процессами классообразования, неполными социальными структурами, а также хронологическими лакунами и провалами между периодами активизации и спада националистической активности.

В националистическом воображении неполная социальная структура могла прочитываться и расшифровываться именно через призму национализма, что позволяло национализировать историю различных общественных групп, превращая последние в нацию. Более того, в хронологическом плане развития астурийского и молдавского национализма большинство националистических нарративов и социальных конструктов, которые легли в основу соответствующих идентичностей в качестве изобретённых традиций, были предложены во второй половине XX века, на протяжении 1950 – 1980-х гг., пока в истории астурийского и молдавского национализмов не начался период спада активности, связанного с достижением определенных результатов в Астурии и с кризисом отдельного молдавского проекта нации и идентичности в Молдове.

Последнее было вызвано и непоследовательностью политики центра. Если Мадрид воспринимал Астурию как периферийную часть собственно Испании, то институционализация Молдавской ССР и проведение национальной политики (Caşu, 2000), направленной на культивирование именно молдавской идентичности, привели к значительным идеологическим противоречиям, которые заявили о себе уже в конце 1980-х гг.

Национализм как идеологический дискурс: изобретение прошлого как воображение нации

Молдавское и астурийское националистическое воображение активно использовало идеи уникальности молдаван и астурийцев, позиционируя их в качестве наций. В рамках молдавского националистического и исторического воображения особое развитие получил нарратив об уникальности молдован как единственных романцев в окружении инокультурных неромансских этнических групп. Что касается астурийского исторического воображения, то оно эксплуатировало образы Астурии как первого и единственного свободного и независимого христианского государства с романским большинством, которое существовало на Пиренейском полуострове (Fernández-Sordo, 2018) после,

с одной стороны, распада Толедского Королевства, а, с другой, после арабского завоевания региона.

В связи с этим националистами подчеркивается, что именно в Астурии было образовано единственное государство западного типа, противостоящее мусульманскому доминированию на полуострове. В такой системе координат Пелайо, который, правда, был вестготского происхождения, воспринимается в качестве исторического и политического отца нации, что наделяет астурийцев свойствами нации, в прошлом обладавшей собственной государственностью (Cano, 2018). Национализация образа Пелайо в астурийском историческом нарративе и националистическом воображении стала причиной войн памяти с испанскими интеллектуалами, которые активно применяют нарративы т. н. «ковадонгизма» (Blanco, 2019). Известно, что в долине Ковадонги в 717 г. Пелайо смог нанести военное поражение арабам, что в испанском историческом воображении связывается с ранней историей Реконкисты. Астурийские интеллектуалы, наоборот, склонны интерпретировать это событие в контекстах истории собственно Астурии, а не Испании, и поэтому в полемике со своими оппонентами ими подчеркивается, что «Мадрид – это суть испанского государства, то есть искусственный город, созданный для искусственного государства» (Blanco, 2006). Если в испанском политическом и культурном воображении прошлое Астурии в целом воспринимается как часть кастильской истории, то астурийская точка зрения альтернативна и основана на нарративе, согласно которому именно астурийскую нацию следует соотносить со своего рода исторической Испанией, что подчеркивают лингвистические и этнические национальные различия астурийцев с испанцами.

Государственный нарратив получил развитие и в молдавском националистическом воображении в рамках последовательного соотнесения воображаемой молдавской нации с советской моделью государственности, что вело к редукции истории Молдовы до 1917 г. до факультативного условия появления и реализации советского проекта. Доминирование подобной точки зрения вело к существенной идеологизации национального проекта, противопоставлению «буржуазной» и «социалистической» нации, с одной стороны, и резко критическому и негативному восприятию альтернатив, связанных с националистическими версиями развития молдавской идентичности, с другой. Тенденции к подобной идеологизации в максимальной степени проявлялись в больших нарративах, призванных сформировать синтетические версии национальной истории, которые не только претендовали бы на обобщающий характер, но и содействовали утверждению линейной версии прошлого, в котором в качестве главного героя исторического процесса выступала бы нация.

Для новейшей истории как астурийского, так и молдавского национализма бала характерна уникальная динамика, основанная не на инструментализации националистического воображения и созданного в его рамках концепта нации, но на дискурсизации, так как возможность для реального

маневра в пространстве политики оставалась крайне ограниченной, поскольку динамика их истории оказалась чрезвычайно зависимой от изменений внешней институциональной и идеологической конъюнктуры.

В такой ситуации националисты активно могли пользоваться ресурсами исторического воображения, наделяя сообщество, к которому они формально или фактически принадлежали, прошлым и историей, конструируемыми в националистической системе координат. Подобные версии истории могли подергаться не только националистической идеологизации, но и этнизации, что указывало на достаточно высокий уровень консолидации молдавского сообщества историков как условно национального, хотя их самосознание в большей степени могло быть идеологическим, определяясь необходимостью проявлять лояльность в отношении центра (Bahnaru, 2016). Вместе с тем идеологизация исторического образования, политика его последовательной денационализации и индоктринации существенно снижали степень проявления национализма, и склонность к актуализации идентичности и коллективной исторической памяти, отличной от аналогичных культурных маркеров фактического русского большинства СССР, в сравнении с другими национальными историографиями могла быть не столь высокой и последовательной.

Поэтому история превращалась в пространство развития именно национального проекта, причем – этничность намеренно подчёркивалась как в историческом процессе, так и в ее связи с языком. Принимая во внимание степень идеологизации националистического воображения в советизированной Молдове, можно утверждать, что национальная история испытала существенную редукцию, хотя средневековье воспринималось как важный сегмент развития нации, подвергаясь, вместе с тем, глубокой идеологизации, не преодолённой и в независимой Молдове начала 2000-х гг., хотя тогда подобные нарративы (Stati, 2002) выглядели более чем маргинально. Тем не менее, подобный национализм носил крайне ограниченный характер, так как, формируя образы средневековой Молдовы, местные интеллектуалы были вынуждены постоянно подчеркивать исключительно важное и положительное значение славянского и русского факторов, редуцируя национальную историю до социально-экономической истории феодальных отношений и институтов. В условиях фактически директивного характера развития исторической науки, в основе которой лежало написание истории как истории классов, национальная история становилась второстепенной.

Вместе с тем именно средние века, в сочетании с попытками актуализировать и визуализировать этничность и идентичность молдаван в рамках традиционной народной культуры, воспринимались как принципиально важный этап истории, конструируемой в национальной системе координат. Последняя тенденция в значительной степени проявилась в исследованиях, сфокусированных на истории культуры. Культурная компонента в этнической истории молдаван как романской группы воспринималась как важный маркер определения этничности и идентичности. Поэтому через призму истории

культуры предпринимались попытки не просто историзировать молдавскую идентичность, но и показать ее примордиальность, что превращало молдаван, воображаемых в качестве нации, в основного героя истории, воспринимаемой в качестве национальной.

Примером такой национализации истории в идеологической и политической системе координат стал ввод в академический оборот этнонима «волохи», при помощи которого описывали этнических романских предков молдаван, подчеркивая вместе с тем и то, что они находились под сильным славянским влиянием, которое могло восприниматься в качестве определяющего фактора, отделившего Восточную Романию от Западной. В целом, «волохи» стали одновременно воображенным сообществом и изобретенной историографической традицией, использование чего носило почти исключительно конъюнктурный характер, будучи формой выражения лояльности со стороны национальных интеллектуалов в отношении центра.

Более того, возможность институционализации оказалась крайне ограниченной, так как и астурийский и молдавский национализмы в значительной степени зависели от общей политической неопределенности, связанной с тем, что формальные центры принятия решений не могли выработать единой политики региональных национализмов, которые в их отношении были явно альтернативны. Вместе с тем языковой дискурс в рамках астурийского и молдавского национализма утратил качества лингвистического, мутировав в направлении идеологического спора, став предметом не только академических, но и политических рефлексий, что вело к его идеологизации и интеграции в дискурс не столько реальной науки, сколько политики и идеологии (Andrés, 2002).

В целом астурийские интеллектуалы активны в своих попытках поставить под сомнение лидерство и примат кастильского элемента в политической истории Испании. В частности, Карлос Х. Бланко не только декларирует, что «Астурия – это не Испания», но и полагает, что «астурийская нация живет между двумя водными пространствами: Атлантическим (или Кантабрийским), к которому она принадлежит естественно, и Средиземным морем, к которому она принадлежит принудительно в результате погружения нашей страны в пучину кастильской монархии» (Blanco, 2006).

В случае с молдавским национализмом примечательно то, что он тоже был преимущественно левым проектом, реализуемым сначала в рамках Молдавской АССР в составе Украинской ССР, а с 1940 г. – с формальным повышением статуса в Молдавской ССР.

Несмотря на такую номинальную близость между акторами национализма, между молдавской и астурийской идентичностями были существенные отличия. Молдавские большевики, а позднее коммунисты, как силы, которые контролировали реализацию молдавского проекта в Молдавской ССР, дискредитировали себя его излишней идеологизацией, игнорированием реальных проблем титульного населения и фактически молчаливым принятием поли-

тики русификации, в то время как астурийские левые, наоборот, стали критиками правого франкистского авторитаризма, что превращало их в легитимных носителей национальной идеи.

И молдавский, и астурийский национализмы отличались уникальной динамикой, описанной выше; однако в их истории рано или поздно должен был начаться период спада. По мнению Э. Геллнера, подобная тенденция была универсальна, так как «на поздних, относительно благополучных этапах развития индустриального общества национализм получает все меньшее подкрепление» (Геллнер, 2002: 176). В Астурии ослабление левых в 1990 – 2000-е гг. не привело к отказу от проекта астурийского национализма, в то время как в Молдове после обретения независимости как участие левых в культивирование молдавской идентичности, так и предлагаемый ими молдовенизм оказались тесно связаны в общественном сознании с коммунистическим наследием, от которого часть общества, в первую очередь – элиты и интеллектуалы, стремились отказаться, что и привело к росту румынизма, с одной стороны, и усилению дискуссий в отношении молдавского наследия через призму его «воображения» и «изобретения» (Asăvoaie, Josanu, 2007), с другой.

Дискурс как язык: национализм и идеологизация языкового пространства

Для астурийского национализма языковое несовпадение с Испанией имеет принципиальное значение несмотря на негативную историческую и социальную динамику. Вероятно, именно поэтому астурийский национализм, который на протяжении большей части своей истории был преимущественно культурным и языковым, вынужденно стал политическим, к чему он не был готов ни организационно, ни институционально.

Исторически астурийский и молдавский национализмы часто оказывались на периферии политического процесса. Поэтому их история пишется, конструируется, воображается и изобретается как череда неудачных политических и идеологических проектов, которые не позволили националистам достичь полной институционализации нации и ее суверенизации. Именно такое конструктивистское восприятие национализма как социального, идеологического и политического конструкта (Negru, 2003), инициируемого идеологически мыслящими элитами и обслуживающими их интеллектуалами, утвердилось в академическом дискурсе. Если каталанский и галисийский как языки, отличные от кастильского, институционализировались в XIX веке, чему предшествовала средневековая литературная традиция, если галисийский и каталанский получили официальные статусы на региональном уровне, то астурийский не только не имеет признанного статуса, но и его литературная традиция не столь развита. Она в большей степени фрагментирована и

дискретна, оставаясь уделом языковых активистов, что не позволило определить ее как одно из оснований националистического воображения.

В целом политический статус периферийных романских наций как воображаемых сообществ представляется уязвимым, так как исторически актуализировался преимущественно в культурном дискурсе, что автоматически ставило его существование в зависимость от политической и идеологической конъюнктуры, вынуждая местных националистов (Борщ, 1951) соотносить и сопоставлять свой националистический дискурс с предписаниями, исходящими от центра. В этом контексте астурийские интеллектуалы как участники исторического воображения, понимая и осознавая неустойчивость национализма, основанного на языке (García, 1992; García, 1994), стремятся разделить такие понятия как «астурийская история» и «испанская история», настаивая на последовательной суверенизации первой и подчеркивая, что вторая содержательно и процессуально была другой.

Все же роль языка в процессах национального строительства не вызывала сомнения ни у астурийских, ни у молдавских националистов, так как категории «язык», «культура» и «идентичность» воспринимались как взаимозависимые концепты (Álvarez, 1982). Если для астурийского национализма идея языкового национализма была основана на уверенности в том, что астурийский (бабле) является независимым романским языком, который нуждается в защите, ревитализации и продвижении в традиционных для него литературных и новых политических пространствах, то логика лингвистического национализма в Молдове не была столь однозначной. Для астурийского националистического дискурса задачи по суверенизации истории языка, реальных прав его носителей оказались более важными и реализуемыми, чем прав политических; молдавский национализм пожертвовал идеей языковой независимости, так как она не имела принципиального значения для государственного суверенитета. Тем не менее, на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1950-х гг., интеллектуалы Молдавской ССР, при поддержке московских лингвистов (Будагов, 1953) и в условиях стабильной идеологизации, последовательно предпринимали попытки создания молдавского языка, его «привязки» к местной национальной литературной традиции, что вело к идеологизации языкового пространства, превращая язык в форму коммунистической индоктринации общества. Кроме этого, сама идея молдавского языка, точнее – его применения и использования в общественных пространствах Молдавской ССР была в значительной степени отягощена идеологизацией. В такой ситуации публикация книг на молдавском языке являлась одновременно визуализацией воображаемой идентичности и подчеркиванием лояльности со стороны местных интеллектуалов в отношении центра. Значительная часть такой печатной продукции представляла собой переводы с русского, что фактически означало интеграцию в формально национальный молдавский дискурс идеологических привнесенных элементов. В отношении романских форм речи в советизированной Молдове это проявлялось в издании формально различных, но факти-

чески содержательно и идеологически близких текстов – от классиков марксизма до современной партийной литературы, призванных актуализировать и визуализировать в пространствах молдавского языка исключительно официальный дискурс, основанный на принципах партийности, уникальности исторической модели Молдавской ССР и исключительном характере именно советской модели (Афтенюк, 1986) политического развития.

В такой ситуации, когда в Молдавской ССР молдавский язык фактически стал инструментом проведения политики правящих элит (Negru, 2000a), направленной на отдаление молдован от румын и конструирование отдельной молдавской идентичности, языковые практики местных интеллектуалов превратились одновременно в формы развития как национализма, так и советского национального строительства.

В качестве встречного шага со стороны Москвы было разрешено переводить и издавать на молдавском языке не только исключительно и сугубо политические и идеологические тексты, но и классическую и современную литературу, что могло обеспечивать проект молдавской идентичности необходимыми качествами и характеристиками нормальности. Правда, последние отличались фронтирностью, так как политика направленного сближения молдавской и румынской норм ставила вопрос о существовании в Молдавской ССР молдавского языка, что постепенно актуализировало тенденции его мутации в скрипту – региональную письменную норму, узус которой отличался крайней ограниченностью. Кроме этого, интеллектуалы получили возможность (пусть и крайне ограниченную) на молдавском языке издавать исключительно академические тексты (Вартичан, Корлэтяну, Чиботару, 1974), но последнее допускалось крайне редко, так как монополия на доминирование в науке сохранялась за русским языком.

Вместе с тем и молдавский, и астурийский национализмы активно использовали ресурсы социального конструирования и политического воображения, наделяя изобретаемые ими нации необходимыми языковыми атрибутами – от пространных историй языков до академических штудий в сфере синтаксиса, фонетики, лексикологии (Fernández, 2005). Академические штудии в сфере миноритарных языков фактически стали каналом национализации общества и развития национализма, так как издание учебной литературы по языкам меньшинств не только укрепляло их статус, но и было формой приобщения (пусть и крайне ограниченного) большинства к языкам миноритарных групп.

Лингвистический национализм в Астурии и Молдове имел две общие особенности. Для националистов, с одной стороны, чрезвычайно важной была история языка, так как наделение ею того сообщества, к которому они принадлежали, ставила его в один ряд с другими романскими нациями, что превращало язык в предмет политики, а знание о нем – в объект идеологического противостояния с оппонентами, склонными ставить под сомнение незави-

симый статус тех или иных форм романской речи, воспринимая их как диалекты.

Если история, по мнению националистов, как правило, делает существование нации законной, то история языка и история литературы на этом языке (Corrada, 2002) в еще большей степени гарантирует ее легитимность, что, правда, по аналогии с войнами памяти, чревато языковыми конфликтами и лингвистическими конфронтациями между националистами как носителями миноритарного языка и их оппонентами, подчеркивающими свою принадлежность к другой, численно и политически, доминирующей нации. Аналогичные задачи стояли и перед молдавскими интеллектуалами, которые были вынуждены лавировать между официальными предписаниями советского идеологического канона и стремлением сохранить идентичность того сообщества, к которому они принадлежали. Противоречия такой стратегии актуализации идентичности в полной мере проявились в исследованиях по истории молдавского языка в 1980-е гг. (Ильяшенко, 1983), когда интеллектуалы активно проводили параллели с другими романскими языками, подчеркивая при этом лояльность в отношении режима. Не менее значительной задачей для молдавских и астурийских националистов-интеллектуалов стало позиционирование своего языка среди других форм романской и неромanской речи, что проявилось как в попытках его формальной нормализации (Andrés, 2008), что вело к составлению и изданию словарей (Vicente, 2000), так и в популяризации среди носителей других языков.

Публикации словарей в регионах типа Астурии и Молдовы стали не только академическим, но и политическим мероприятием, хотя форматоры советской модели молдавской идентичности все же проявляли умеренность. Поэтому, публикуя национально-молдавские и молдавско-национальные словари, создатели молдавской идентичности считали явно излишним издавать молдавско-румынский словарь, что, будучи сделанным в первой половине 2000-х гг. (Stati, 2003), выглядело академически и политически маргинально. Издание словарей, таким образом, имело политические измерения, так как содействовало визуализации миноритарных групп, их этническому и языковому присутствию, культурной инаковости и идентичности в рамках многосоставного общества. Последние имели принципиальное значение не просто для языковой идентичности, но и для формирования и продвижения контекстов Самости, которым противопоставлялись образы Другости и Инаковости; однако такие стратегии оказались малоэффективны, так как ни астурийский, ни молдавский национализмы не оказались в состоянии предложить обществу модель перехода к актуальной политической современности, а националистической риторики, основанной на истории и языке, было уже явно недостаточно. В целом подобные интеллектуальные практики и стратегии националистов особой оригинальностью не отличались, будучи направленными на нормализацию региональных форм романской речи и выработку стандарта, что ставило астурийский и молдавский в один ряд с другими родственными

языками Западной и Восточной Романии, ограничивая националистов пространством культурных и языковых практик.

Выводы

На раннем этапе развития соответствующих региональных национализмов местная социальная динамика и политическая структура региональных сообществ не были теми факторами, которые способны были позитивно повлиять на формирование новых националистических движений и тех национальных идентичностей, которые могли продвигаться астурийскими и молдавскими националистами. Астурия и Молдова представляли собой периферийные регионы, развитие которых было отягощено многочисленными социально-экономическими диспропорциями и противоречиями.

Проявлением этих диспропорций была неполная структура и отсутствие целых социальных групп и классов, необходимых для проведения успешной политической модернизации. Тем не менее, благодаря усилию националистически ориентированных интеллектуалов, местные этнические сообщества постепенно трансформировались в политические и гражданские нации. Особую роль в трансформации этих групп в воображаемые сообщества, то есть нации, сыграл фактор активного участия интеллектуалов в продвижении национализма. В случае с Молдовой участие представителей интеллектуального сообщества, правда, было ограничено и контролировалась политическими и партийными элитами как Молдавской ССР, так и Советского Союза в целом.

Тем не менее, именно интеллектуалы стали основной силой региональных миноритарных национализмов в Молдове и Астурии во второй половине XX века. Политическая и социально-экономическая динамика, заложенная именно интеллектуалами и элитами как практикующими националистами, привели лишь к ограниченным успехам и скромным результатам в национализации миноритарных романских групп в направлении создания астурийской и молдавской наций. Самым заметным результатом развития национализма стала институционализация астурийцев и молдован в качестве отдельных этнических, политических и гражданских наций, наделенных необходимым набором политических традиций, в первую очередь – языком, национальной историей и литературой.

Вместе с тем ни в Астурии, ни в Молдове не сложились условия для полной институционализации молдован и астурийцев в качестве самостоятельных политических наций, хотя в других регионах Европы условия были даже более негативными. Например, ирландский язык стал жертвой британской маргинализации и ассимиляции, превратившись в миноритарный, что не помешало возникновению ирландского национализма, способного к политическому и государственному строительству. В Астурии и Молдове фактические и формальные условия для развития национализма были лучше, чем в Ирландии (меньшие ассимиляционные потери, наличие традиции

использования языка, коллективная историческая память о предшествующем самостоятельном государственном развитии), но ни астурийские, ни молдавские националисты политического успеха своих ирландских коллег повторить не смогли.

К началу 1990-х гг. астурийский национализм столкнулся с падением региональной динамики, что в значительной степени сократило активность националистов, так как они ограничились уже достигнутыми результатами. Что касается Молдовы, то обретение независимости республикой привело в начале 1990-х гг. к тому, что местные политические элиты на деле отступили от продолжения реализации молдавского политического проекта, чему содействовал ряд факторов, включая перевод письменности молдавского языка с кириллицы на латиницу, признание румынского языка в качестве государственного, введение учебных дисциплин «Истории румын», «Румынская литература», «Румынский язык». Все это фактически привело к тому, что элита отказалась от реализации отдельного молдавского политического проекта.

Подобные негативные тенденции в истории национализма XX века свидетельствуют не только об универсальности националистического фактора в политических процессах, но и указывают на ограниченность ресурса национализма, что указывает на необходимость дальнейшего междисциплинарного и сравнительного изучения миноритарных национализмов в рамках многосоставных европейских обществ.

Список литературы

Alvarez González, R. (2024). *Cronica de una esperanza. Agrupacion socialista de Aviles 1899 – 1924 [Chronicle of Hope. Socialist Association of Aviles 1899–1924]*. Agrupación de Socialista de Avilés. (In Spanish).

Anderson, B. R. O. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso.

Andrés, R. d'. (2008). *L'asturianu que vien: Observaciones y suxerencies sobre l'asturianu normativu y el so usu [The Asturian Language to Come: Observations and Suggestions on Standard Asturian and Its Use]*. Ámbitu. (In Spanish).

Andrés, R. (2002). *Juicios sobre la lengua asturiana: Algunas cuestiones básicas acerca del debate lingüístico en Asturias*. Ámbitu. (In Spanish).

Asăvoaie, C., & Josanu, V. (2007). *Impostură şi interes politic în "Istoria Moldovei" [Imposture and political interest in "The History of Moldova"]*. Alfa. (In Romanian).

Blanco, C. (2025, May 28). Asturias no es España – Rebelion [Astuaria is not Spain]. *Rebelión*. https://rebelion.org/asturias-no-es-espana/ (In Spanish)

Blanco, C. X. (2019). *De Covadonga a la nación española: La hispanidad en clave spengleriana [From Covadonga to the Spanish Nation: Hispanic Identity in Spenglerian Terms]*. Eas. (In Spanish).

Burlacu, V. (2020). Politica lingvistică în RASSM (1924 – 1940): Tentative de instituţionalizare a unei "limbi moldoveneşti" [Linguistic policy in the RASSM (1924 – 1940): Attempts to institutionalize a "Moldovan language"]. In *Educaţia în spiritul valorilor naţionale şi universale din perspectiva*

dialogului pedagogic [Education in the spirit of national and universal values from the perspective of pedagogical dialogue] (pp. 53–66). Universitatea Pedagogica de Stat "I. Creanga". (In Romanian).

Cano, V. M. A. (2018). *La construcción de la realeza astur. Poder, territorio y comunicación en la Alta Edad Media [The Construction of Asturian Royalty: Power, Territory, and Communication in the Early Middle Ages]*. Ed. Universidad de Cantabria. (In Spanish).

Caşu, I. (2000). "*Politica națională" în Moldova Sovietică (1944-1989) ["National Policy" in Soviet Moldova, 1944 – 1989]*. Cartdidact. (In Romanian).

Caşu, I., & Tismaneanu, V. (2014). *Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924 – 1956 [The Class Enemy. Political Repressions, Violence and Resistance in the Moldavian S.R.S., 1924 – 1956]*. Cartier. (In Romanian).

Cornea, S. (2019). Dimensiunea administrativă a expansionismului rusesc în Basarabia [The administrative dimension of Russian expansionism in Bessarabia]. In C. Croitoru (Ed.), *Miscellanea historica et arheologica in honorem Professoris Ionel Cândea septuagenarii* (pp. 751–753). Editura Academiei Române – Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I". (In Romanian).

Corrada, M. R. (2002). *Historia de la lliteratura asturiana [History of Asturian Literature]*. Academia Llingua Asturiana. (In Spanish).

Fernández, Á., & Xabel, L. (1982). Cultura asturiana, cultura universal, llingua [Asturain Culture, Iniversal Culture, and Language]. *LLetres asturianes*, 3, 4-20. (In Spanish).

Fernández, J. R. G. (2023). *Astures, gens Hispaniae: Iglesia local y nación histórica [Astures, Gens Hispaniae. Local Church and Historic Nation]*. Ediciones Trabe SL. (In Spanish).

Fernández, X. V. (2005). *La formación histórica de la lengua asturiana [The Historical Formation of the Asturian Language]*. Trabe. (In Spanish).

Fernández-Sordo, Á. S. (2018). *Las reinas de la monarquía asturiana y su tiempo (718-925) [The Queens of the Asturian Monarchy and Their Time (718–925)]*. Fundación Juan-Miguel Villar Mir. (In Spanish).

García, A. (1994). *Lliteratura asturiana nel tiempu [Asturian literature in time]*. Conseyería d'Educación. (In Spanish).

García, Antón. (1992). *El cuentu asturianu, 1860-1939 [The Asturian history (1860-1939)]*. Trabe. (In Spanish).

Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Cornell University Press.

Grossi Mier, M. (2014). *La Insurrección de Asturias [The Asturian Uprising]*. Fundación Andreu Nin. (In Spanish).

Iglesias, I. (2004). *Historia del nacionalismu asturianu [History of Asturian Nationalism]*. Ámbitu. (In Spanish).

Iglesias, I. (2014). *Independencia [Independence]*. Trabe. (In Spanish).

Negru, E. (2003). *Politica etnoculturală în R.A.S.S. Moldovenească: 1924-1940 [Ethnocultural policy in the Moldavian ASSR]*. Prut Internațional. (In Romanian).

Negru, G. (2000). *Politica etnolingvistică în R.S.S. Moldovenească [Ethnocultural policy in the Moldavian SSR]*. Prut Internațional. (In Romanian).

Rújula, P. (2023). *Religión, rey y patria: Los orígenes contrarrevolucionarios de la España contemporánea, 1793-1840 [Religion, King, and Country. The Counterrevolutionary Origins of Contemporary Spain, 1793–1840]*. Marcial Pons Historia.

Stati, V. (2002). *Istoria Moldovei [A History of Moldova]*. Vivar-Editor. (In Romanian).

Stati, V. (2003). *Dicţionar moldovensk-românesk [Moldovan-Romanian Dictionary]*. Tipografia Centrală. (In Romanian).

Tuñón, N. (2023). *De la reforma a la represión: La escuela rural en los concejos asturianos de Cabrales, El Valle Altu de Peñamellera y Peñamellera Baja (1931-1945) [From Reform to Repression. Rural Schools in the Asturian Municipalities of Cabrales, El Valle Altu de Peñamellera, and Peñamellera Baja (1931–1945)]*. Trabe. (In Spanish).

Turtureanu, O. (2012). *Societatea R.S.S. Moldoveneşti de la acalmie la stări de conflict (1953 – 1991) [The Society of the Moldavian S.R.S. from Calm to States of Conflict (1953 – 1991)]*. Academia de ştiinţe A Moldovei – Institutul de istorie, stat şi drept. (In Romanian).

Vasile, B. (2016). Filologia și istoria sovietică moldovenească – diversiune științifică cu suport ideologic și geopolitic [Soviet Moldovan Philology and History – Scientific Diversion with Ideological and Geopolitical Support]. *Akademos*, 2, 135-143. (In Romanian).

Vicente, J. C. de. (2014). *Del Romanticismu al rexonalismu: Escritores carlistes na lliteratura asturiana [From Romanticism to Regionalism: Carlist writers in Asturian literature]*. Trabe. (In Spanish).

Vicente, X. X. S. (2000). *Diccionariu asturianu-castellanu, castellanu-asturianu [Asturian-Spanish, Spanish-Asturian dictionary]*. Trabe. (In Spanish).

Vilareyo, X. (2008). *Los ámbitos de la Nación Asturiana [The Areas of the Asturian Nation]*. Espubliza-stur.

Афтенюк, С. (1986). *Формаря РСС Молдовенешть ши креаря Партидулуй Комунист ал Молдовей [Formation of Moldovan SSR and Creation of Communist party of Moldova]*. Картя Молдовеняскэ. (На молдавском).

Будагов, Р. (1953). Молдавский язык среди романских языков. В *Вопросы молдавского языкознания* (сс. 121–134). Издательство Академии Наук СССР.

Вартичан, И., Корлэтяну, Н., & Чиботару, С. (1974). *Филолоджия Советикэ Молдовеняскэ [Linguistic Science in the Soviet Moldova]*. Штиинца. (На молдавском).

Геллнер, Э. (2002). Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В Б. Андерсон, О. Бауэр, & М. Хрох (Ред.), *Нации и национализм* (сс. 146–200). Праксис.

Ильяшенко, Т. (1983). *Формирование романских литературных языков. Молдавский язык*. Штиинца.

References

Aftenyuk, S. (1986). *Formation of Moldovan SSR and Creation of Communist party of Moldova*. Map of Moldova. (In Moldovan).

Alvarez González, R. (2024). *Cronica de una esperanza. Agrupacion socialista de Aviles 1899 – 1924 [Chronicle of Hope. Socialist Association of Aviles 1899–1924]*. Agrupación de Socialista de Avilés. (In Spanish).

Anderson, B. R. O. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso.

Andrés, R. (2002). *Juicios sobre la lengua asturiana: Algunas cuestiones básicas acerca del debate lingüístico en Asturias*. Ámbitu. (In Spanish).

Andrés, R. d'. (2008). *L'asturianu que vien: Observaciones y suxerencies sobre l'asturianu normativu y el so usu [The Asturian Language to Come: Observations and Suggestions on Standard Asturian and Its Use]*. Ámbitu. (In Spanish).

Asăvoaie, C., & Josanu, V. (2007). *Impostură şi interes politic în "Istoria Moldovei" [Imposture and political interest in "The History of Moldova"]*. Alfa. (In Romanian).

Blanco, C. (2025, May 28). Asturias no es España – Rebelion [Astuaria is not Spain]. *Rebelión*. https://rebelion.org/asturias-no-es-espana/ (In Spanish)

Blanco, C. X. (2019). *De Covadonga a la nación española: La hispanidad en clave spengleriana [From Covadonga to the Spanish Nation: Hispanic Identity in Spenglerian Terms]*. Eas. (In Spanish).

Budagov, R. (1953). The Moldavian Language Among the Romance Languages. In *Issues in Moldovan Linguistics* (pp. 121–134). Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).

Burlacu, V. (2020). Politica lingvistică în RASSM (1924 – 1940): Tentative de instituţionalizare a unei "limbi moldoveneşti" [Linguistic policy in the RASSM (1924 – 1940): Attempts to institutionalize a "Moldovan language"]. In *Educaţia în spiritul valorilor naţionale şi universale din perspectiva dialogului pedagogic [Education in the spirit of national and universal values from the perspective of pedagogical dialogue]* (pp. 53–66). Universitatea Pedagogica de Stat "I. Creanga". (In Romanian).

Cano, V. M. A. (2018). *La construcción de la realeza astur. Poder, territorio y comunicación en la Alta Edad Media [The Construction of Asturian Royalty: Power, Territory, and Communication in the Early Middle Ages]*. Ed. Universidad de Cantabria. (In Spanish).

Caşu, I. (2000). "*Politica națională" în Moldova Sovietică (1944-1989) ["National Policy" in Soviet Moldova, 1944 – 1989]*. Cartdidact. (In Romanian).

Caşu, I., & Tismaneanu, V. (2014). *Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924 – 1956 [The Class Enemy. Political Repressions, Violence and Resistance in the Moldavian S.R.S., 1924 – 1956]*. Cartier. (In Romanian).

Cornea, S. (2019). Dimensiunea administrativă a expansionismului rusesc în Basarabia [The administrative dimension of Russian expansionism in Bessarabia]. In C. Croitoru (Ed.), *Miscellanea historica et arheologica in honorem Professoris Ionel Cândea septuagenarii* (pp. 751–753). Editura Academiei Române – Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I". (In Romanian).

Corrada, M. R. (2002). *Historia de la lliteratura asturiana [History of Asturian Literature]*. Academia Llingua Asturiana. (In Spanish).

Fernández-Sordo, Á. S. (2018). *Las reinas de la monarquía asturiana y su tiempo (718-925) [The Queens of the Asturian Monarchy and Their Time (718–925)]*. Fundación Juan-Miguel Villar Mir. (In Spanish).

Fernández, Á., & Xabel, L. (1982). Cultura asturiana, cultura universal, llingua [Asturain Culture, Iniversal Culture, and Language]. *LLetres asturianes*, 3, 4-20. (In Spanish).

Fernández, J. R. G. (2023). *Astures, gens Hispaniae: Iglesia local y nación histórica [Astures, Gens Hispaniae. Local Church and Historic Nation]*. Ediciones Trabe SL. (In Spanish).

Fernández, X. V. (2005). *La formación histórica de la lengua asturiana [The Historical Formation of the Asturian Language]*. Trabe. (In Spanish).

García, A. (1994). *Lliteratura asturiana nel tiempu [Asturian literature in time]*. Conseyería d'Educación. (In Spanish).

García, Antón. (1992). *El cuentu asturianu, 1860-1939 [The Asturian history (1860-1939)]*. Trabe. (In Spanish).

Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Cornell University Press.

Gellner, E. (2002). The Rise of Nationalism: Myths of Nation and Class. In B. Anderson, O. Bauer, & M. Kroch (Eds.), *Nations and Nationalism* (pp. 146–200). Praksis. (In Russian).

Grossi Mier, M. (2014). *La Insurrección de Asturias [The Asturian Uprising]*. Fundación Andreu Nin. (In Spanish).

Iglesias, I. (2004). *Historia del nacionalismu asturianu [History of Asturian Nationalism]*. Ámbitu. (In Spanish).

Iglesias, I. (2014). *Independencia [Independence]*. Trabe. (In Spanish).

Ilyashenko, T. (1983). *The Formation of Romance Literary Languages. The Moldavian Language*. Štiinca. (In Russian).

Negru, E. (2003). *Politica etnoculturală în R.A.S.S. Moldovenească: 1924-1940 [Ethnocultural policy in the Moldavian* ASSR]. Prut Internațional. (In Romanian).

Negru, G. (2000). *Politica etnolingvistică în R.S.S. Moldovenească [Ethnocultural policy in the Moldavian SSR]*. Prut Internațional. (In Romanian).

Rújula, P. (2023). *Religión, rey y patria: Los orígenes contrarrevolucionarios de la España contemporánea, 1793-1840 [Religion, King, and Country. The Counterrevolutionary Origins of Contemporary Spain, 1793–1840]*. Marcial Pons Historia.

Stati, V. (2002). *Istoria Moldovei [A History of Moldova]*. Vivar-Editor. (In Romanian).

Stati, V. (2003). *Dicţionar moldovensk-românesk [Moldovan-Romanian Dictionary]*. Tipografia Centrală. (In Romanian).

Tuñón, N. (2023). *De la reforma a la represión: La escuela rural en los concejos asturianos de Cabrales, El Valle Altu de Peñamellera y Peñamellera Baja (1931-1945) [From Reform to Repression. Rural Schools in the Asturian Municipalities of Cabrales, El Valle Altu de Peñamellera, and Peñamellera Baja (1931–1945)]*. Trabe. (In Spanish).

Turtureanu, O. (2012). *Societatea R.S.S. Moldoveneşti de la acalmie la stări de conflict (1953 – 1991) [The Society of the Moldavian S.R.S. from Calm to States of Conflict (1953 – 1991)]*. Academia de ştiinţe A Moldovei – Institutul de istorie, stat şi drept. (In Romanian).

Vartičan, I., Corlățanu, N., & Cîbotaru, S. (1974). *Linguistic Science in the Soviet Moldova*. Štiinca. (In Moldovan).

Vasile, B. (2016). Filologia și istoria sovietică moldovenească – diversiune științifică cu suport ideologic și geopolitic [Soviet Moldovan Philology and History – Scientific Diversion with Ideological and Geopolitical Support]. *Akademos*, 2, 135-143. (In Romanian).

Vicente, J. C. de. (2014). *Del Romanticismu al rexonalismu: Escritores carlistes na lliteratura asturiana [From Romanticism to Regionalism: Carlist writers in Asturian literature]*. Trabe. (In Spanish).

Vicente, X. X. S. (2000). *Diccionariu asturianu-castellanu, castellanu-asturianu [Asturian-Spanish, Spanish-Asturian dictionary]*. Trabe. (In Spanish).

Vilareyo, X. (2008). *Los ámbitos de la Nación Asturiana [The Areas of the Asturian Nation]*. Espublizastur.